러시아연구 제24권 제2호
2014년 11월 30일 pp. 445-485

Грани литературной репутации А.П. Чехова:
между аксиомой и мифом*

Ахметшин, Р. Б.**

- 개요 -

작가의 문학적 평판은 의미의 끊임없는 운동이며, 따라서 그것은 변수이다. 당대인들에 의한 문학적 평판의 중요한 면들이 지닌 한계성에도 불구하고 각 시대는 이 상(像)을 매번 개조한다. 때문에 평판은 여러 경향들간의 투쟁에 의해 미리 결정되어 있다. 그 첫 번째 경향은 창조적 개성에 대한 보충가능한 인식 경험을 대변하며, 두 번째 경향은 역사의 운동을 평가절하하는 당면한 현재의 클리셰들의 축적에 대해 한계를 부과한다. 이때 평판의 의미 용량은 제한된 크기로 유지되며, 각각의 세대는 새로운 조건들 속에서 불필요하게 된 전기적(傳記的) 정보를 기각해버린다. 우리는 몇몇 요인들의 상호작용에 의해 부과된 공리의 권력을 인정하도록 강요받는다. 시학의 경향, 전기의 필요성, 역사의 법칙과 전통, 그리고 무엇보다 언어 자료 자체의 모순이 바로 그 요인들이다. 이 모든 충돌들은 우리로 하여금 필연적으로 주석에 눈길을 돌리게 만드는데, 이는 주석이 인문학적 지식의 다양한 분야 혹은 그 방법들 사이의 모순을 제거해주는 이상적인 속성을 지니고 있기 때문이다. 주석 장르가 특별한 가치를 얻게 되는 것은 1차 자료(일기, 회상록)와 전기와의 관계에서이다. 텍스트에 대한 다양한 관심이 작가에게로 수렴된다면, 작가로부터 바로 분석을 시작하지 못할 이유가 무엇인가?

주 제 어: 역사, 전기, 회상록, 문학적 평판, 시학
(история, биография, воспоминания, литературная репутация, поэтика)

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Чехов в воспоминаниях современников: полная коллекция мемуаров о писателе» (грант № 12-04-00324).

** Доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

1. Структура понятия литературная репутация

1.1. Постановка вопроса

Представление о писателе, его литературная репутация, образ – это постоянное движение смыслов и, следовательно, величина переменная. Несмотря на строгую детерминированность важных граней литературной репутации прижизненными и ближайшими к моменту смерти оценками современников, каждая эпоха стремится пересоздать этот образ.

Поэтому образ писателя – сложный литературный казус, предопределенный борьбой противоположных тенденций: первая из них выражается в продолжающем пополняться опыте осознания творческой личности, вторая стремится задать предел накопления, отлить это никогда не останавливающееся движение в клише актуальных представлений и образов, девальвирующих движение истории. При этом сохраняется ограниченным сам объем смысла репутации, поэтому каждое поколение стремится вычистить ненужные в условиях новой интерпретации сведения о личности и сюжеты биографии художника. Данное обстоятельство можно считать неким третьим началом, влияющим на специфику репутации.

Искусство и жизнь, миф и история – таковы самые общие, но не единственные контуры анализа этого процесса.

Задумаемся над тем, что актуальность образа предопределена ограниченностью нашего опыта постижения развивающегося, движущегося – самого движения. Формулирующая мысль пытается постичь строящуюся жизнь и, кажется, проигрывает последней. Ограничения действуют таким образом, что нам приходится признавать существование каких-то аксиом и подчиняться им как правилам. Аксиоматичность репутации предопределена взаимодействием нескольких факторов: тенденций, составляющих существо *поэтики*, потребностей *биографии*, традиций и законов *истории* (и дисциплин, на нее опирающихся: *социологии*, *истории культуры* и т.п.), но по большому счету и прежде всего – противоречиями в корпусе *языка*.

1.2. Литературная репутация с точки зрения специфики гуманитарного знания.

Так, *поэтика* рассматривает биографию, как говорится, по умолчанию, во многом априори, заодно пренебрегая и *историей*, претендуя на возможность объяснения любого факта из нее самой. Для поэтики это аксиома. Она делает биографию окаменевшим сюжетом, а порой и стереотипом. Это вынуждает исследователя отказываться от контекста, порождающего художественность, что может быть губительно для писателя.

Если все это так и если всякий, кто стремится постичь образ художника, должен уклоняться от поэтики, поскольку исторический материал должен быть первичен для него?.. Словом, что произойдет, если итогом станет канонизация лишь исторического аспекта? Мы словно забудем, что размышляем о писателе, художнике, нивелируя его личность до заданных пределов. Бытовых или социальных – уже не важно: даже если исторически масштабных, то все равно обесценивающих эстетическую специфику, да и не только специфику, но и самую суть, ибо эстетика есть мышление. История говорит нам, что нет ничего окончательного и определения почти невозможны, ведь любой смысл длится, существует, а образ писателя, его репутация тяготеет к окончательности, к провокативной и грубой точечности (осуществляя что-то вроде reductio ad punctum), сводя непрерывное – *историю* – к конечному – *периодам*. История, кроме того, не просто диктует нам некий идеал длительности, но и навязывает интерес к среднестатистическим формулам и ситуациям: историчное должно повторяться, воспроизводиться. Это также серьезный, если не важнейший, барьер. И очень интересный.

Можно взять этот тезис с точки зрения высказываний великих (допустим, поэтов серебряного века) о Чехове… Они как бы неравнозначны. Отрицательные оценки не то чтобы не сохраняются историей, но в определенных случаях они не влияют на суть репутации, и самые весомые из них лишены своей разрушительной силы. Жесткость, безапелляционность

отрицания иногда оказывается ничуть не сокрушительной. Получается, что у репутации специфическая или избирательная восприимчивость (окончательность?).

Социология устраивает репутации ловушку тем, что загоняет ее в тупик типизации, и нередко тенденциозной. Например, современная социология, да и *психология* в неменьшей мере, ориентирована на девиантность и/или негативность (оценочную диминутивность) поведения и мышления личности, персонажа (см. последние биографии писателя). Когда-то срабатывали иные варианты социологической модели. Эпоха задает фронт оценки, не считаясь с упругостью суммы фактов. Спрос на репутацию порождает предложение, удовлетворяющее вкусам некоего кворума. И биограф создает максимально доступный роман художника, не считаясь с тем, что доступность приобретает обсценные черты. А аудитория будущего имеет право трактовать созданный образ как ложный, но тогда вынуждена будет заново создавать его.

Но даже если не ставить перед собой цели создать нечто оригинальное о писателе, то есть не поддаваться моде, остается традиционный путь и традиционный материал, как, к примеру, решение А.П. Чехова отправиться на Сахалин. Такое мощное по своему смыслу и поворотное событие. А ведь ответить на вопрос, почему поехал и к чему пришел по возвращении, на ценностном языке сегодняшней аудитории просто невозможно.

Логика изучения и существования *культуры* сегодня как бы шумоподавляющая (если считать *шумом* всё, что выбивается из рамок стандартного) и всеядная – не способствует пониманию личности в ее своеобразной сущностности. Если культурно всё, то ничего не культурно. Тогда абсолютно всё может быть биографично, но, значит, ничто не будет жизнью, то есть источником биографии? Нет отбора, дифференциации, выстраивающей самый текст биографии. Ведь биографию моделируют актуальные культурные тенденции. Автор биографии и комментария начинает стремиться к тому, чтобы повторить принцип работы компьютера, т.е. конкурирует с машиной в полноте создаваемой картины.

Язык… Это, вероятно, модель, к которой стоит приближаться любым

попыткам определения репутации и построения образа. Но как же понять репутацию как проблему языка, как наметить связь между языком и представлением?

Временной диапазон представлений настолько узок, что в сравнении с языком они неминуемо превращаются в пункт истории, начальный и сразу же конечный. Как погасшая звезда. Или та же Эвклидова точка. Если попробовать рассчитать логику репутации по категориям языка… В этом случае, боюсь, испарится существо литературности, к которой язык, как правило, равнодушен или, как минимум, стремится эмансипироваться от нее, несмотря на то что великий язык – это непременно язык великой литературы, высокой, богатой книжности.

1.3. Некоторые противоречия в анализе литературной репутации.

Вернемся к аспектам литературной репутации. В пределах указанных моделей неизбежно возникают всевозможные противоречия.

Так, например, дилемма "*представление* versus *история* (или *биография*)" кажется мне одной из любопытных и продуктивных линий для анализа исторической специфики и композиции смысла понятия репутации. Но представить себе, что может происходить, когда длинный ряд фактов (а, если иметь в виду биографию писателя, он всегда длиннен, если не бесконечен, ведь только образ заурядного радуется своей окончательности – в гениальном удовлетворяет лишь обязательность бесконечности) замыкается рамками представления, которое должно быть целостным, – исключительно любопытно. Особенно – понять, что происходит с этой оформленной в текст (высказывание) суммой смыслов в сюжетном, композиционном и жанровом отношении. Это любопытно и в отношении системы «*представление* versus *образ*». Вообще противопоставить представление динамичному знанию крайне важно, несмотря на то что знание выражается в представлениях.

Это уже частный случай, имеющий отношение не ко всему корпусу текстов, сохраняющих черты облика писателя (догма – недогма и т.п.).

Если же сдвигаться к полюсу истории, то и здесь открываются различные варианты детализации общей картины.

Оставаясь в пределах любой из этих систем, можно назвать большое количество значимых критериев и аспектов. Например, критерий литературности (художественности), или – по аналогии с вышеприведенной оппозицией – «литература / нелитература», который можно использовать как по отношению к оценке и анализу текстов, так и в биографическом плане – в аспекте изучения художнической личности.

Требование Б.М. Эйхенбаума, реализованное во многих его работах и, прежде всего, в книгах о Льве Толстом, – рассматривать текст на литературном фоне эпохи,[1] – может быть постулировано как безусловное. И воспринимается так довольно часто. На сегодня вырванное из контекста идейной борьбы с текущими (господствующими) литературоведческими концепциями, оно может творить миф, так как лишает другие факты литературного значения, т.е. не рассматривает факты, не имеющие очевидного (открытого) литературного смысла. Например, каторга Достоевского или Сахалин Чехова. Это нелитературное в биографии писателя?[2] Несмотря на очевидную абсурдность постановки, этот вопрос далек от окончательного разрешения.

Оппозиция «жизнь – искусство», «жизнь – литература» – главная для ряда базовых филологических «интересов». Говорю «жизнь», не говорю «реальность». Жизнь – это самая нелитературная, в конечном счете, вещь, несмотря на то, что литература вся – о ней и ради нее, ею

---

1) «Произведение искусства создается и воспринимается <…> не на фоне жизни, "какова она на самом деле", а на фоне других, привычных методов художественного изображения». См. об этом: *Эйхенбаум Б.М.* Молодой Толстой. Изд. Гржебина. Пг., 1922, глава «Борьба с романтикой (Кавказ и война)».

2) При этом помним, что для Б.М. Эйхенбаума уход писателя от литературы имел принципиальное значение. Но ведь и Чехов в юности многократно уходил от литературы – ради экзаменов, и от профессии – ради литературы. И то и другое, очевидно, значительно обогатило его мироотношение как писателя, личности (см. признания в письмах, автобиографии).

существует. Жизнь, вопреки этому, самое безобразное и безóбразное, что можно найти в литературе. (Самая отвратительная идея может быть насквозь литературна, потому что искусственна.)

И все же литература стремится к жизни, мы стремимся к литературе от жизни. Здесь любопытно множество аспектов. Например, такое немелкое, правда, обстоятельство, как изоляция Чехова от социальных проблем, активно обсуждавшаяся в работах о нем. Таких обвинений в равнодушии и беспартийности писателя немало, они представляют собой широкий фронт; поэтому мысль об их случайности или беспочвенности придется отбросить. Интересно было бы задуматься в связи с этим о природе эстетического преимущества критика, автора статьи, над персонажем своей статьи (в данном случае Чеховым) и над читателем. Это качество, выраженное в общем идеологическом строе работы, дает возможность выбирать *критическую* интонацию по отношению к более долговечному предмету (каковым является творчество), нежели сама критика, представляющая, как правило, профессиональный интерес, и *учительную* интонацию – по отношению к читательской аудитории, а порой и к писателю тоже. Критический анализ и просветительская тенденция нередко осложняют друг друга, дополненные другими аспектами такого преимущества.

К этому относится и выявление актуальных идей, привнесенных в образ писателя той или иной эпохой, что создает условия для анализа поэтизации исторического и/или биографического материала.

Другой аспект проблемы репутации – это вопрос о стиле, дистанцирующем личность читателя даже не от оригинала, а от биографического, то есть призванного быть адаптирующим и комментирующим текста. Лучшие страницы (да и книги в целом) А.Б. Дермана, Ю.В. Соболева, других чеховедов и более позднего времени, недоступны, скорее всего, нашему молодому современнику. Язык многих исследований выражает иную систему ценностей, нежели та, к которой апеллирует сознание младшего поколения, и потому нуждается в комментировании.

2. Интерпретация фактов биографии писателя в свете его литературной репутации

Изученность биографии и творчества А.П. Чехова по свидетельствам большинства специалистов достигла такого предела, что даже новые успешные разыскания не меняют в сущности представления о писателе. То же относится к сумме высказываний о Чехове. Мы пользуемся узаконенным вполне, впрочем, почтенной традицией набором мемуаров, забывая, что их количество неизмеримо шире, чем находящиеся в нашем распоряжении опубликованные тексты. Мы словно не нуждаемся в пополнении этого списка: не иначе как считаем, что всё давно известно.

2.1. Известное неизвестное

Поэтому сохранение темных пятен и непрокомментированных фактов особенно любопытно. Многие из них давно не воспринимаются как темные. Например, в книге «Остров Сахалин» кое-что так и остается неясным. Вот список использованных Чеховым текстов.[3] Мы помним, что в нем некоторые статьи из газет «Голос» и «Владивосток»[4] не имеют названия и для читателя комментариев вряд ли имеют смысл. Если книга Августиновича, работа Мицуля – это понятные в общих чертах произведения, то здесь мы оказываемся совершенно беспомощными.[5] Чтобы ликвидировать пробел, необходимо прочесть работы, дать им рабочее название, если таковое отсутствует, снабдить справками и аннотациями, хотя, как известно, справок по каждому пункту чеховского списка вообще не существует. И тогда, к

3) *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. М.: Наука, 1974-1983. Т. 14-15. С. 887-897.

4) В целом, таких статей около десятка.

5) Похожий случай – с датировкой книги Фиделя: *Фидель*. Новая книга о Чеховѣ. (Ложь въ его творчествѣ). Спб., 19<09>. В каталогах библиотек она до сих пор не имеет года, хотя рецензии и отклики позволяют, кажется, устранить эту неопределенность.

сожалению, судить о достоинствах того или иного сочинения, прочитанного Чеховым, могла с определенностью лишь М.Л. Семанова, автор самого авторитетного комментария к «Острову Сахалину».

Другая сторона этой проблемы – миф, который – воспользуемся одним из распространенных определений – возникает при отсутствии точного знания и является поэтической обработкой реального содержания истории. Рассказывающий о прошлом (в мемуарах, дневниках) надеется, что после рассказа повысится статус его репутации вследствие таких «операций», как свидетельство о прошлом, констатация авторитетности очевидца, создание атмосферы занимательности (шире – важности), порождающей тот самый эффект эстетического преимущества над читателем, о котором шла речь выше.

Какого цвета были глаза у Чехова? Оказывается, если собрать различные мемуарные свидетельства, установить истину будет не так легко.[6] Эта деталь, кажется, не слишком важна, хотя разобраться в причине такой ошибки было бы крайне интересно. Но мифогенность мемуаров гораздо шире проникает систему этих текстов, если представить себе, что она создается вокруг образа писателя. Одно дело, когда ошибка возникает как результат сложной реальности, другое – когда ее порождает вымысел или ложный посыл.

С этой точки зрения любопытна также история одной ошибки, демонстрирующая высокую степень тщательности, с какой готовились чеховские издания. В 1935 году в газетах «Известия» (1935. – 30 января) и «Советский Сахалин» (1935. – 30 января) были опубликованы воспоминания о Чехове бывшего ссыльнокаторжного М.Л. Нюнюкова в записи корреспондента Г. Малиновского – «Чехов на Сахалине». Этот небольшой рассказ о пребывании Чехова в Тымовском округе на Сахалине упомянут и в комментарии к «Острову Сахалину» Чехова в Полном собрании сочинений и писем в 30 т. (М., 1974-1982).

Обнаружена ошибка была покойным ныне сахалинским писателем-краеведом

---

6) См. об этом: *Бушканец Л.Е.* «Он между нами жил…» А.П. Чехов и русское общество конца XIX – начала XX веков. Казань, 2013. С. 385-391.

М.П. Финновым. Опираясь на данные РГИА ДВ (Дальневосточного исторического архива), он убедительно опроверг факт атрибуции: Ненюков попал на Сахалин только в 1898 году и Чехова знать не мог.[7] Впоследствии, при публикации второго издания ПССП Чехова в конце 1980-х, эта деталь была устранена из корпуса комментария.

Характерно, что Нюнюков отмечает, что Чехов тогда не носил пенсне. И это была правда! Незначительная подробность, как говорится, дорогого стоит, потому что в сознании советского читателя, не слишком знакомого с разнообразными портретами писателя, Чехов непременно должен был быть с бородкой и в пенсне. Именно это и могло заставить редакцию ПССП принять сообщение Малиновского на веру, не говоря о других обстоятельствах.

Эти две фигуры – корреспондента советской газеты и его информанта – представляют ценнейший культурный и исторический факт, которым можно было бы воспользоваться. Насколько этот анекдот мифичен, настолько же и показателен, и в этом предстоит еще разбираться самым разным специалистам. Процесс трансформации мифа о Чехове – культурном герое создает крайне любопытную страницу в истории культуры, в том числе и Сахалинского края.[8]

Возникает вопрос, какое отношение имеет сказанное выше к репутации писателя. И не имеет ли эта проблема в лучшем случае справочный характер, относится к кругу вопросов о заимствовании или влиянии. Думаю, нет. Все приведенные выше обстоятельства можно было бы

---

7) *Финнов М.П.* Конец ненужной легенды // Краеведы ведут поиск. – Южно-Сахалинск, 1985. – С. 80-85.

8) Мифизация образа Чехова реализована в таких чертах, как противостояние писателя всесильным чиновникам и администрации каторги, его трогательное человеколюбие, категорическая принципиальность и, главное, действенность его мер. На мой взгляд, это не просто выдумки «безграмотного очевидца», каким его считали М.С. Высоков, автор последнего по времени комментария книги «Остров Сахалин», речь о нем пойдет ниже, и М.П. Финнов, но казус сложного сочетания индивидуальных и коллективных свойств бытового сознания и, возможно, неединственная история.

рассмотреть на примере следующего свойства. Возьмем одну ситуацию в описании разных авторов: Чехова, Ап.Н. Чермного, К.М. Станюковича и В.В. Крестовского.

2.2. Вероятный комментарий к литературному эпизоду

До чеховского рассказа «Гусев» (газета «Новое время». – 1890. – № 5326. – 25 декабря) мне не приходилось интересоваться описанием морских похорон. Уточню, что меня интересует не обозначение или называние ситуации, каковых довольно много в литературе, а именно описание. Даже у К.М. Станюковича с его короткой карьерой морского офицера и обусловленным ссылкой обращением к морской тематике (сборник «Морских рассказов» вышел в 1888 году и вызвал у критики восторг) не найти такой сложной и богатой по смыслу и структуре сцены, как у Чехова. Его самый известный в этом отношении рассказ «Между своими, или Смерть на корабле», первоначально называвшийся «Морские похороны». Дело в том, что композиционно рассказ «Гусев» сложный и его части реализуют разнородный смысл. Это важно в идейном отношении: социальная проблема изуверского отношения к человеку синтезирована с идеей личной, интимной – связанной со смертью и возможностью ее преодоления.[9] Для удобства приведу эпизод из «Гусева»:

> «Гусев возвращается в лазарет и ложится на койку. <...> Спит он два дня, а на третий в полдень приходят сверху два матроса и выносят его из лазарета.

---

9) Первая была сразу услышана критикой и читательской аудиторией и горячо обсуждалась. Вторая обратила на себя внимание позже, когда актуальный смысл, возможно, начал отступать на второй план (в 1895-м году редактор журнала «Русская мысль» В.А. Гольцев в своих «Литературных очерках» затронул ее в связи с пушкинским стихотворением «Брожу ли я вдоль улиц шумных…») и важнее показалось изучение личности автора, иерархии его ценностей. Тогда и обратились взоры читателей на необыкновенную картину природы в финале рассказа.

Его зашивают в парусину и, чтобы он стал тяжелее, кладут вместе с ним два железных колосника. Зашитый в парусину, он становится похожим на морковь или редьку: у головы широко, к ногам узко... Перед заходом солнца выносят его на палубу и кладут на доску; один конец доски лежит на борте, другой на ящике, поставленном на табурете. Вокруг стоят бессрочноотпускные и команда без шапок.

– Благословен Бог наш, – начинает священник, – всегда, ныне и присно и во веки веков!

– Аминь! – поют три матроса.

Бессрочноотпускные и команда крестятся и поглядывают в сторону на волны. Странно, что человек зашит в парусину и что он полетит сейчас в волны. Неужели это может случиться со всяким?

Священник посыпает Гусева землей и кланяется. Поют "вечную память".

Вахтенный приподнимает конец доски, Гусев сползает с нее, летит вниз головой, потом перевертывается в воздухе и – бултых! Пена покрывает его, и мгновение кажется он окутанным в кружева, но прошло это мгновение – и он исчезает в волнах.

Он быстро идет ко дну. Дойдет ли? До дна, говорят, четыре версты. Пройдя сажен восемь-десять, он начинает идти тише и тише, мерно покачивается, точно раздумывает, и, увлекаемый течением, уж несется в сторону быстрее, чем вниз.

Но вот встречает он на пути стаю рыбок, которых называют лоцманами. Увидев темное тело, рыбки останавливаются, как вкопанные, и вдруг все разом поворачивают назад и исчезают. Меньше чем через минуту они быстро, как стрелы, опять налетают на Гусева и начинают зигзагами пронизывать вокруг него воду...

После этого показывается другое темное тело. Это акула. Она важно и нехотя, точно не замечая Гусева, подплывает под него, и он опускается к ней на спину, затем она поворачивается вверх брюхом, нежится в теплой, прозрачной воде и лениво открывает пасть с двумя рядами зубов. Лоцмана в восторге; они остановились и смотрят, что будет дальше. Поигравши телом, акула нехотя подставляет под него пасть, осторожно касается зубами, и парусина разрывается во всю длину тела, от головы до ног; один колосник выпадает и, испугавши лоцманов, ударивши акулу по боку, быстро идет ко дну.

А наверху в это время, в той стороне, где заходит солнце, скучиваются облака; одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы... Из-за облаков выходит широкий зеленый

луч и протягивается до самой средины неба; немного погодя рядом с этим ложится фиолетовый, рядом с ним золотой, потом розовый... Небо становится нежно-сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно».[10)]

Несмотря на вышеизложенные обстоятельства, я не пытался найти какие-либо корни этой сцены. Затем мне попалось удивительно похожее на финальную сцену в «Гусеве» описание морских похорон у Ап. Н. Чермана (1865-1911), младшего современника Чехова, опубликовавшего по псевдонимом «А. Чермный» в февральском номере «Нового времени» за 1891 год рассказ «Под южным крестом» с подзаголовком «Саргассово море». Мне показалось любопытным, что рассказ с эпизодом, ситуативно схожим с чеховским описанием морских похорон в «Гусеве», выходит в той же газете спустя два месяца. Не ставя вопросов о подражании или плагиате, доказать который невозможно, гораздо интереснее задуматься над тем, что зафиксированное личным опытом писателя впечатление (Черман в прошлом морской офицер, штурман на парусных судах коммерческого флота) как бы блокируется и получает вторую жизнь в литературном тексте лишь после литературного впечатления – от рассказа предшественника. И вот этим фактом пренебречь будет трудно, поскольку Аполлон Николаевич читал чеховские рассказы внимательно (к концу 1880-х Чехов уже был признан как мастер художественной миниатюры) и, по наблюдениям нескольких знакомых Чехова, неизменно составлял его свиту, когда тот приезжал в Петербург, а весной 1897 года передавал оказавшемуся на больничной койке в клинике проф. А.А. Остроумова Антону Павловичу привет через старшего брата Александра.

Не исключая факт чтения Черманом рассказа Станюковича, думаю все же, что некоторые детали в рассказе «Под южным крестом» напоминают именно «Гусев». Чтобы продемонстрировать это, приведу заинтересовавший

---

10) *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. М.: Наука, 1974-1983. Т. 7. С. 338-339.

меня эпизод из рассказа, в котором описывается смерть маленькой девочки, полностью:

> «Открытое небо заглядывало в этот пестрый храм. Косые лучи заходящего солнца пробивались сквозь редкую цветную ткань и согревали затылки молящихся. Ветерок, врываясь, вздувал цветную стену и, срывая с губ похоронное пение, развеивал по морю печальные звуки. Белокурые локоны усопшей тихо шевелились, и она, оттеняясь на бархатной подушке своим истаявшим профилем, ужасно походила на ангельчика. Солнце, пробиваясь сквозь цветные полы ее палатки, играло на орудиях и придавало всему чуть теплый оттенок.
>
> Но вот служба кончилась. *К Оле*[11] поочередно стали подходить офицеры, крестясь над ней и целуя ее в лобик. За ними потянулась команда, над нею наклонялось сразу по нескольку человек, целуя ее, как кому пришлось, большей частью в плечики. Вслед за тем флаги исчезли, словно по волшебству. На умершую надели приготовленный накануне кокон. Потом щит сняли с орудий.
>
> Николай Васильевич с трудом взял ее со щита, подержал в руках и просто, без всяких затей, бросил ее за корму, подальше от винта. Он еще больше осунулся, и должно быть не одна серебряная нить прибавилась у него в бороде.
>
> Никто не ожидал такого быстрого приема. Все без исключения бросились по бортам и перевесились по пояс, что опять-таки прямое нарушение морских приличий. Но смотреть уже было нечего. Наиболее счастливые только и видели, как *она юркнула* в струю за кормой и закрутилась было в этом *пенистом водовороте*, но поворот винта тут же дал течение, отшвырнувшее маленькое тело в сторону от клипера, и пена закрыла ее.
>
> Глубоко синяя и прозрачная с поверхности масса воды вдруг окружила ее полупрозрачной и зеленоватой стеной. *Тело прошло сажени две* и легло на густую сеть спутанных водорослей, цепкие стебли которых медленно распускались, и *Оля, переваливаясь во все стороны, падала с* сети на сеть и плавно покачивалась на этих упругих преградах. Потом *она выпрямилась*.
>
> Теперь ядро вошло в чистое пространство, и тело стало торжественно опускаться среди зеленоватого тумана, едва пропускающего косые и уже слабеющие лучи. Вокруг девочки *быстро извернулось длинное тело*.

11) Здесь и далее выделено мною *(Р. А.)*.

Затем оно вдруг появилось снова, и саженная рыбина, вися без движения, несколько времени опускалась рядом. Ее уродливые плавники колыхнулись, и она показала свое белое, противное *брюхо* и раскрытую дугообразную пасть. *Акула пропустила Олю мимо и* осталась висеть *с ртом раскрытым*, словно от удивления.

Зеленоватая мгла сгущалась во мраке, а снизу, как бы в ответ ему, пробивались мгновенные вспышки белого света. Еще несколько саженей, и *Оля вступила* в молочно-светлое пространство с бесчисленными зеленоватыми искорками вокруг. Слизистые ветви тянулись ей навстречу и от прикосновения савана вспыхивали мгновенным мягким блеском.

Длинные нити воздушных пузырьков выделялись из усопшей и обвивали ее словно серебристыми волосами. *Последнее существо, которое она встретила*, была маленькая пучеглазая рыбка с рожками над глазами, одетая в желтый многогранный панцырек. Затем свет круто погас, и *Оля вступила* в неведомый мрак.

Клипер уходил прямо на побагровевшее солнце, отчетливо рисуясь на алом горизонте всеми своими тончайшими снастями. На мостике чья-то тоненькая фигурка махала рукой. Одна сторона клипера вдруг закуталась величественным клубом, по другую сторону торжественно выкатился другой клуб. Первая сторона еще больше закуталась, вторая опять выбросила клуб.

Алая окрестность дрогнула раз, другой и вдруг тяжко захохотала. Клубы появлялись с одной стороны и выкатывались с другой, грохот усиливался. На небе словно кто выворачивал *огромные листы железа*. Дым заполнял снасти, извивался поверху и распускался в сторону тоненькими тающими струйками. Побагровевший закат развернулся на пол грохочущего неба…

Черная корма опускалась и поднималась, показывая мощные обороты винта, который как будто спешил поскорее угнать судно от печального места погребения. Дым от пальбы широкой полосой вытянулся влево клипера, неутомимо уходившего вдаль, унося две сотни людей со всеми их симпатиями и горестями <…>»[12].

Рассказ Станюковича опубликован раньше «Гусева» – 27 апреля 1890 года в газете «Русские ведомости» (№ 113), но в этот момент Чехов уже далеко от Москвы – на пути к Сахалину. 27 апреля ночью он прибыл в

12) *А.Н. Чермный <Черман Ап.Н.>*. Под южным крестом // Новое время. – 1891. – 27 февраля. – № 5388.

Пермь, 28-го – в Екатеринбург, а 2-го мая отправился в Тюмень. Такой напряженный график не исключает чтения газет и журналов, но, независимо от решения вопроса о доставке «Русских ведомостей» в провинциальные города, установить факт чтения Чеховым рассказа Станюковича трудно. Да и не в том задача, чтобы исключить или обосновать с надежностью этот факт.

Вот сцена в рассказе Станюковича:

> «В ту же ночь молодой матрос умер.
>
> Труп его одели в полный матросский костюм и ранним утром вынесли наверх, на шканцы, и положили на доске, лежавшей на козлах. Перед обедом, в присутствии капитана, офицеров и всей команды, была отслужена священником панихида. И эта служба и это печальное пение отличного хора певчих здесь, среди безбрежного сверкавшего океана, так далеко-далеко от родины, производили невыносимо тоскливое впечатление.
>
> После панихиды все подходили прощаться с усопшим. Флаг с утра был приспущен в знак того, что на судне покойник.
>
> К вечеру труп зашили в парусинный мешок, плотно охватывавший мертвое тело, к ногам привязали ядро, и после отпевания и отдачи воинских почестей, при глубоком молчании команды, четыре матроса понесли усопшего на доске к борту корвета, наклонили доску, и труп молодого матроса с легким всплеском исчез в прозрачной синеве океана.
>
> Все разошлись в суровом безмолвии. У некоторых на глазах блестели слезы. Рябкин плакал, как малый ребенок.
>
> А справа величественно закатывалось солнце, заливая багровым блеском далекий горизонт».[13)]

Сравнивать рассказы Чехова и Станюковича только потому, что при описании похорон возникает пейзаж, нет необходимости. Требование полноты в этом случае раздвинет ряд сопоставляемых текстов до необъятных размеров. В какой сцене похорон нет пейзажа?.. Интересно другое: Станюкович просто не видит того, что видит Чехов, поэтому сходство рассказов остается типологическим, ситуативным, а не

---

13) *Станюкович К.М.* Между своими // http://www.lib.ru/RUSSLIT/STANYUKOWICH/mezsvoim.txt_with-big-pictures.html (26 сентября 2014г.)

стилистическим. Такое родство может, наверное, привлекать сторонников концепции визуальности. В том и загадка, что Чехов создал нечто иное в искусстве описания, и, хотя кое-что и сближает его со Станюковичем в социальном и биографическом отношении, это не сблизило писателей стилистически.

2.3. Комментарий vs поэтика. Поэтика эпизода с точки зрения литературной репутации

Кратко новаторство Чехова можно объяснить неожиданным переносом точки зрения рассказчика на образ уже умершего Гусева и удивительно тонкой работой не только с цветом, но и светом в финальной картине. В этом отношении Чехов может восприниматься как новатор, а Черман, как мы видим, заимствуя многое у Чехова, уловив и фантастический прием с переносом точки зрения (что совсем не удивительно, настолько яркое впечатление он оставляет в «Гусеве»), именно игру светописью не почувствовал. Избегая анализировать его манеру, отмечу лишь то, что в данной ситуации, при сопоставлении трех сцен, может оказаться занимательным. Помимо непосредственного заимствования у Чехова некоторых метафорических или по меньшей мере отличительных выражений (в цитируемом мною тексте Чермана некоторые из них подчеркнуты[14)]), а также композиционных приемов, становится понятной разница между Чеховым и двумя другими писателями. И, чтобы увидеть это, обратимся к соответствующему эпизоду из очерков В.В. Крестовского «В дальних водах и странах». В главе «От Сингапура до Сайгона» под 11-м августа дана запись похорон:

---

14) Анализ отрывка вскрывает зависимость Чермана от более ранних чеховских произведений, в особенности, повести «Степь» («Северный вестник». – 1888. – № 3). Даже это «ужасно походила на...» не раз встречается в известных уже тогда рассказах Чехова, как комических, так и серьезных (см., например, такие разные произведения, как юмореска «Двое в одном» 1883 года и повесть «Огни» 1888-го), и герои частенько ассоциируются с «ангельчиками».

«Начиная с третьего часа ночи, на верхней палубе, где-то там, на носу, стала вдруг завывать матросская судовая собака. <…> Проснувшись, поднимаемся на верхнюю палубу и видим приспущенный флаг на корме и накрест потопленные реи – знак траура. Узнаем печальную новость, что у нас на судне покойник. В третьем часу ночи скончался от последствий солнечного удара один из пассажиров, молодой хромоногий шотландец <…>

Труп вынесен теперь в одну из запасных кают, где двое матросов "обшивают" его в последнее странствие. <…> По исполнении <…> необходимых формальностей труп, зашитый в холщовый мешок с привязанной к ногам трехпудовою баластиной, положили на решетчатый трап вместо носилок и покрыли английским национальным флагом, а затем поднесли к открытому люку с левого борта, где один из англичан прочитал над ним по книжке несколько молитв. В машинное отделение была между тем подана команда остановить ход, после чего четверо матросов подняли трап, выдвинув конец его за борт, и едва лейтенант успел сдернуть с покойного флаг, как внутренний конец трапа поднялся кверху, а вслед затем в море раздался плеск упавшего тела. Мгновение, и все было кончено... В машину тотчас же дан сигнал полного хода, кормовой флаг поднят на обычное место, реи поставлены прямо, и "Пей-Хо", как ни в чем не бывало, пошел себе далее <…> Осталось только на некоторое время общее грустное настроение и раздумье среди пассажиров.

<…> Мне еще в первый раз в жизни пришлось быть свидетелем "морских похорон" во всей их суровой, но трогательной простоте, и на меня они произвели более грустное впечатление, чем какие бы то ни было похороны "сухопутные", если будет позволено употребить такое выражение.

В три часа дня небо заволокло тучами и подул легкий северо-западный ветерок, а вскоре затем и небольшой дождик прыснул. <…>

Закат опять великолепен и все-таки являет собою новую, совершенно оригинальную картину. На этот раз из-за громады облаков, которые в тропических странах всегда массивны, самого солнца не видно. Облака первого плана носят иссера-лиловатую окраску, а дальнейшие, задние – совсем лиловую, и из-за них полнеба объято золотисто-розовым заревом. Рефлекс на воде – лиловый, местами с зеленым отливом, вроде того, как бывает на шелковых "материях changeantes". Минут двадцать спустя все эти тоны сгустились, тучи на западе приняли еще более темный лилово-серый оттенок, и сквозь них только в трех-четырех местах, как бы в маленькие дырья на громадной завесе, просвечивал огненно-багровый отсвет садящегося солнца <…>».[15)]

Всеволод Владимирович Крестовский, автор знаменитейших «Петербургских трущоб» (отд. изд. 1867), в данном случае интересует нас как автор путевых очерков «В дальних водах и странах», в которых описываются события 1880-81 гг. Очерки публиковались с января 1885-го по ноябрь 1887-го в «Русском вестнике». Эта объемная история путешествия Крестовского в качестве секретаря (а вместе с тем и официального корреспондента «Правительственного вестника» и «Морского сборника») вице-адмирала С.С. Лесовского, начальника Тихоокеанской эскадры, отдельной книгой при жизни автора не издавалась, она увидела свет в 6-м томе Собрания сочинений Крестовского (СПб., 1899-1900) и составила более 500 страниц.

Чехов мог, представляется, читать очерки, и тогда это впечатление должно было послужить нам своеобразным фоном при осмыслении замысла и структуры книги «Остров Сахалин». Это обоснование требует особого внимания. «Гусев» и «Остров Сахалин» разные тексты, но биографические обстоятельства сближают их, делая крайне любопытным.[16] Доказать, что именно Чехов читал у Крестовского, трудно, хотя по эпистолярным материалам ясно, что знал он автора «антинигилистических» романов неплохо. Трудно говорить и о том, что Чехов прозаически развивает пассаж предшественника. Но вот что обращает на себя внимание...

Палитра пейзажной зарисовки после сцены похорон, мысль о странности происходящего в сравнении с «сухопутными» похоронами определяют идейный каркас эпизода о несчастном шотландце. Описание по структуре частично предвосхищает финальную сцену в «Гусеве»[17]... но очерки

---

15) *Крестовский В.В.* В дальних водах и странах // http://az.lib.ru/k/krestowskij_w_w/text_0130.shtml (26 сентября 2014г.)

16) Один из аспектов этого родства рассматривается в работе В.Б. Катаева: *В.Б. Катаев* Автор в «Острове Сахалине» и в рассказе «Гусев» // В творческой лаборатории Чехова / Редкол.: Л.Д. Опульская и др. – М., 1974. – С. 247-252.

17) Хотя многое, сказанное о рассказе Чермана, следовало бы повторить и здесь. Читая Крестовского, мы все же помним, с какой целью создавались его очерки

Крестовского не названы среди материалов, интересовавших Чехова перед поездкой и в связи с работой над книгой. Тогда особенно ясно и важно, если связь будет доказана, что это его личный читательский опыт, а не результат помощи М.П. Чеховой, Л.С. Мизиновой (Лики) и других близких писателю лиц, конспектировавших для А. П. различные работы о Сахалине и ссылке в России.

2.4. Репутация как категория литературного процесса. Опыт мотивировки.

Внимание к Крестовскому Чехов, видимо, не мог афишировать – в силу репутации первого (тут следует учесть политизированную, ультраправую тенденциозность, шовинизм, антисемитизм и многое другое в позиции старшего писателя). А может, и сознательно вытеснял этот опыт(?). Все-таки Крестовский – довольно чуждая Чехову фигура в силу, как говорится, стилистических разногласий.

Тем не менее какие-то базовые повествовательные принципы и темы сближают очерки Крестовского и – сформулирую это шире – тот момент в биографии Чехова, когда он возвращался к творческому процессу, пережив и переживая колоссальное расширение своего житейского и бытийного опыта. Это момент имеет отношение и к истории книги «Остров Сахалин» и к первому рассказу, опубликованному Чеховым после путешествия, – «Гусеву». Постараюсь обозначить их.

Во-первых, это случай сухопутного, чуждого морскому миру, человека, в особенности русского, эту свою русскость сделавшего не только предметом рефлексии, но и пунктом полемики с различными идеями (национальными, культуральными, бытовыми и пр.), любопытен как биографически, так и идеологически и мог бы рассматриваться в последующих исследованиях.

Отсюда вытекает следующее предположение, что интерес к Японии мог

и не имеем права подходить к ним с той же меркой, что и к Чехову.

быть стимулирован у Чехова, мечтавшего на обратном пути посетить Японские острова, в том числе, и чтением очерков Крестовского, вторая книга которых посвящена этой не слишком известной в то время стране.[18)]

Если это заявление может быть принято в качестве исследовательской проблемы, тогда важным будет и тот факт, что любые путевые очерки представляют собой интересный материал в изучении манеры автора, эти очерки освоившего. Да и просто обращение к этому факту биографии писателя в трактовке репутации Чехова является не совсем ясным и простым способом понимания таковой. Могут ли вообще маргинальные жанры использоваться в определении репутации? С одной стороны, они должны быть учтены, с другой – их значение, обусловленное контекстом и обстоятельствами частотности, ведет к локализации и сужению смысла, который не только не исчезает бесследно, но и приобретает эвристическое значение, может увлекать, рассматриваться как нечто существенное, если даже не более существенное в сравнении с уже обретенным знанием о писателе.

Естественным образом возникает вопрос об иронии как способе освоения чужого (нового) мира в путевых очерках. См. «Фрегат "Паллада"» И.А. Гончарова, очерки Крестовского etc. Однако у Чехова дана картина мира *своего* как *чужого* – и потому ирония у него весьма ощутима, в отличие от, предположим Крестовского, направившего свои полемические стрелы почти лишь по адресу англичан. Чехов не таков по складу политического мышления, как первые два писателя, и потому

---

18) Прочитайте описание рейда Нагасаки у Крестовского и спросите себя, хотели бы вы увидеть бухту и город на ее берегу и склонах собственными глазами. Крестовский много путешествовал, накопил богатый опыт наблюдения, и его пейзажный вкус (не язык и не стиль, я не говорю об изображении) может считаться если не аристократическим, то капризно-избирательным – с элементами снобизма, налетом какого-то туристического лоска и стиля жизни. Пункт Нагасаки, думаю, возник в программе чеховского путешествия вследствие и этого чтения, хотя, м.б., он был неизбежен (заправка), но знал ли Чехов так называемый маршрутный лист пароходов добровольного флота? Ведь известно, чего Чехов не планировал.

готов к критике своего, которое он довольно последовательно делает чужим. Русские на Амуре, купцы-разбойники, насмешки над благородными каторжными… вот неполный перечень эпизодов, где это особенно ощутимо.

В этом коренится интерес к социальному исследованию Сибири. Воспользовавшись цитатой из очерков Крестовского, уклонюсь от комментирования ее в силу очевидности напрашивающейся параллели с многочисленными темами, затронутыми в очерках «Из Сибири» и первой главе «Острова Сахалина» (затронутыми и... оставленными, видимо, вследствие масштабности иной задачи, стоявшей перед писателем): «Однообразный шум волн, плеск случайно набежавшего буруна о борт парохода, стук и монотонное повизгивание машины... Вместе с этим у нас как-то невольно, сами собою, являются разговоры или, скорее, взаимные мечтания вслух о родине, о сроке возвращения в Россию и о том, каким путем мы будем возвращаться. Что до меня, то я предпочел бы обратный путь через Сибирь, чтобы хотя несколько познакомиться с этой страной, которая, несмотря на свой близкий для нас интерес, знакома нам во многих углах своих едва ли более, чем внутренние страны Новой Голландии или пампасы Южной Америки».

Хорошо известно, как критика и читатель (прижизненные, разумеется) рассматривают и оценивают Чехова с точки зрения партийной или классовой идеологии. И это не совсем верно, так как у Чехова почти нет таких моделей концептуализации в его рассказах, в которых мы обнаруживаем проекции, скорее, физиологические, биологические, т.е. рассматривающие человека в ключе естественно-научной интерпретации. Язык Чехова уравнивает личность и природное явление: первое как бы упрощается (н-р, биологизируется), второе как бы усложняется (очеловечивается, одухотворяется). В этой модели языка, исторически предрешенной, глубоко закономерной, подготовленной ходом развития философии и естественно-научного знания (иконология, интерпретация) – не заложена партийность.

И отсюда вытекает важная по значимости проблема. Мы не понимаем природу чеховской беспартийности, характер индивидуализма, породившего

такой язык, как язык чеховской прозы. Нам трудно это типизировать, рассмотреть чеховскую идейность в свете развития идей в XIX веке. У нас попросту нет такой истории. Отсюда обращение к опыту В.В. Крестовскому, думается, также будет любопытным.

Чехов включил в список материалов, использованных им при работе над «Островом Сахалином», тексты И.А. Гончарова («Фрегат "Паллада"»), Ф.М. Достоевского («Записки из мертвого дома»), Гл. Успенского («Один на один»), В.Г. Короленко («Соколинец»), В.М. Гаршина («Записки рядового Иванова»). Очерки Крестовского так и просятся пополнить этот ряд, случайность которого, быть может мнимая, ставит и ставит перед нами вопросы. Канонизированный образ Чехова табуирует отсылки к текстам Крестовского во всех, пожалуй, отношениях: в любом аспекте поэтики (тематическом, сюжетном, стилистическом, жанровом) и идеологии, однако обширный фон мемуарных свидетельств, при условии что мы учтем его, настойчиво рекомендует нам обратиться к этому вопросу, заставляет взглянуть на него иначе и, по крайней мере, не так категорично.

Видимо, отношение к «Сахалину» и работе над ним было более сложным, чем мы сейчас себе представляем, и оно тоже является важным моментом проявления творческой воли или, если следовать логике Антона Крайнего – З.Н. Гиппиус (см. ее литературные отчеты и характеристики в журнале "Весы"), *безволия*, которому положил начало именно Чехов.

То есть мы можем вести речь об искривлении или трансформации репутации? Да, разумеется, но тогда нам придется признать, что репутация соприродна истории. Репутация – это процесс.

3. Жанр комментария в процессе рефлексии о литературной репутации и потребностях биографики

Конечность факта, закольцованность мысли, – все это наводит на размышления: возможно ли запечатлеть репутацию в представлении?

Доступен ли ее объем актуальным средствам языка и мышления? Как это отражается на антитезе хорошей и дурной репутации? Насколько значим опыт оценки в системе понятия репутации?

Репутация как качели или маятник, ее движение носит характер компенсаторный. И дело не только в природе оценки и ее стремлении к полюсам: что сегодня писатель N – первый, а завтра – немного хуже И.Н. Потапенко. Сама оценка, возможно, задана сменой противоположных тенденций. Между очевидным и мифоподобным, ясным и недоказуемым в действительности больше сходства, чем мы ожидаем.

Все, не требующее сегодня объяснений, уже через поколение превращается в догму, требование, власть и приводит к террору принципа над реальностью, которая при очередной смене координат может приобретать, как мы теперь видим, любые смыслы.

Все эти столкновения вызывают необходимость в различных конвенциях, направляющих нас к источнику решения проблемы понимания – комментарию. Это не значит, что комментарий изолирован от намеченных выше проблем, существует вне намеченного выше поля. Он активно взаимодействует с поэтикой, социологией и, само собой разумеется, историей…

Комментарий обладает идеальным свойством-функцией – снимать противоречие между различными отраслями гуманитарного знания (например, лингвистикой и литературоведением) или различными его методами, а шире – и между филологией и широким обществом. Поэтому, для чего нужен комментарий, много говорить не нужно. Он необходим аудитории, состоящей из читателей, как воздух необходим существам, имеющим легкие и рассчитывающим дышать. Хотя можно развернуть эту конструкцию наоборот: если нет легких, воздух человеку ни к чему, так же и отсутствие читателей делает бессмысленным жанр комментария.

Жанр комментария занимает центральное положение в теоретическом и практическом отношении и особенную ценность приобретает по отношению к первоисточникам (дневникам, мемуарам) и биографиям.

3.1. Телеология комментария

Комментарий, если речь идет о биографических и документальных жанрах, в первую очередь, стремится решить проблему достоверности. Она может делиться на многие аспекты, но в конечном счете читателя интересует, насколько соответствует реальности сообщенное автором или его посредником, как та или иная история в реальность встраивается.

Поставленный выше вопрос о том, каков был читательский опыт Чехова до создания рассказа «Гусев» и книги «Остров Сахалин», это попытка проникнуть в суть личности автора: скажи мне, что ты читаешь, и я скажу – кто ты. Весь разнообразный интерес к тексту фактически замыкается на фигуре автора. Так почему бы не начать анализ непосредственно с него?

Так, например, многие примечания к «Запискам охотника» И.С. Тургенева посвящены задаче не только интерпретации, но и верификации заглавной фигуры. И история этого расследования немногим моложе истории существования самого прозаического цикла. Уже первые рецензии ставили вопрос о том, стоит ли принимать автора как охотника.

Охотник – прежде всего лексическая проблема и проблема реалий.[19] Подумаем о структуре за главия цикла «Записки охотника». Она неоднородна, возможно, потому, что, как известно, так назвать сборник предложил автору Иван Панаев. И главное, конечно, в том, что «записки» не так обращают на себя наше внимание, как ОХОТНИК. Такова первая мысль читателя, вероятно, но она может оказаться обманчивой. Но с другой стороны, дело в том, что литература 30-40-х была озабочена

19) Это, вероятно, лишнее для литературного смысла произведения, но если мы задаем вопрос о профессии или роде занятий автора, то в случае с охотничьим ремеслом нас может заинтересовать характеристика оружия. Например, было ли ружье у писателя нарезным? Специалист сочтет такой интерес праздным, но для остальных читателей решение проблемы окажется довольно трудным: нужно знать историю развития и совершенствования огнестрельного оружия, нужна достаточно надежная сумма биографических свидетельств. Для некоторых читателей загвоздкой может стать то, например, обстоятельство, что нарезные ружья долгое время заряжались с дула.

дельностью, профессиональностью, профессонализмом. Записки военных, артистов, художников и пр. были крайне популярны. Это был вопрос качества, идеологии и социальной позиции, сформулированный как задание эпохи. Всвоем «Литературном маскараде накануне нового (1852) года» Панаев упоминает главного героя «Записок…», «большого чудака», ведь «птицы ласково и безбоязненно летают вокруг этого странного охотника, как будто напрашивавясь попасть в его "Записки"».[20)]

Что означала эта ситуация? Намек на непрофессионализм и, таким образом, призыв к благосклонности читателя? Вряд ли. Это скорее всего проблематизация идейной нагрузки цикла, предложение задуматься над его подлинным содержанием. Можно еще учесть отклик Проспера Мериме на перевод «Записок», выполненный Эрнестом Шаррьером (издан в 1854 году), где Мериме говорит, что Тургенев не является Нимродом («Selon toute apparence, l'auteur, M. Ivan Tourghenief, n'est point un Nemrod, et pour ma part je ne l'en estime pas moins»).[21)] Нимрод – один из знаменитейших царей Месопотамии, легендарный строитель Вавилонской башни, строитель Ниневии (упом. в «Книге Бытия», открывающей Библию); сказано, что он «был сильный зверолов перед Господом». И для Тургенева этот персонаж не был неизвестным. Видимо, П. Мериме имел в виду вовсе не охотника, а охотника-литератора. Возможно, его скрытое сравнение затрагивало фигуру английского писателя Чарльза-Джеймса Эпперли (Charles-James Apperly, 1777-1843), который писал под псевдонимом «Nimrod». Страстный охотник, Эпперли сотрудничал в «The Sporting Magazine» и «The Sporting Review». Он выпустил несколько циклов охотничьих очерков, получивших широкое распространение с 1831 по 1842.

20) *Новый поэт. <Панаев И.В.>* Литературный маскарад накануне нового (1852) года // Современник. – 1851. – Т. XXXI. – С. 159-160: «Вы подумаете, что он, как охотник, следит за полетом птицы, или, замирая, прислушивается к шелесту листьев в кустарнике, боясь вспугнуть свою добычу... Вы ожидаете сейчас выстрела – ничуть не бывало! успокойтесь... Вы этого выстрела не дождетесь. Мой охотник никогда не стреляет...».

21) *Mérimée P.* La littérature et le servage en Russie // Revue des Deux Mondes. – 1854. – 1 juillet. – P. 184.

В 1840 вышла книга Джеймса Уйата (James White, псевд. «Martingale», 1794-1861) «Охотничьи сцены и сельские характеры», в которой намечается бóльшая склонность к нравоописанию, чем к профессиональной стороне охотничьего дела. И сборник «Болото и озеро» Джона Колкхауна (John Colquhoun). Кстати, П. Мериме, иронизируя над вкусами и интересом читателей, играет словами: французским «chasseurs» и английским «m.m. les sportsmen», – оставляя намек на английскую прозу, изобилующую охотничьими сборниками.[22)]

Вопросы литературной истории смешиваются с нелитературными, затрагивающими проблему реалий, особенно частотности ситуации охоты. Сегодня охота – вымирающий, если не вымерший, вид развлечения. И мы относимся к ней поэтому иначе. Мы ее не понимаем. Возможно, в этом случае, несмотря на простоту смысла, мы не понимаем и заглавия цикла?

Но за нелитературными вопросами подступают и другие – литературные, вызванные стремлением понять художественный смысл образа. Один из исследователей творчества Тургенева справедливо утверждает: «...ружейный охотник – фигура автономная. Человек с ружьем – сам себе и войско и полиция <…> единица, сопоставимая с единицей "государственной мощи". С другой стороны – это странник, отказавшийся от части привилегий, на время словно бы выпавший из социума как системы. <…> Странник и натуралист-открыватель. Фигура его совпадает с фигурой литератора, "артиста" – с возможным свободным суждением обо всем, что встречается, чему он свидетель. Странник и литератор совпадают своей выключенностью из бюрократической и сословной николаевской системы».[23)]

---

22) Подробнее см. об этом: *Оксман Ю.Г.* Секретное следствие о «Записках охотника» Тургенева в 1852 г. // *Оксман Ю.Г.* От «Капитанской дочки» А.С. Пушкина к «Запискам охотника» И.С. Тургенева. Саратов, 1959. С. 246-307.

23) *Журавлева А.И.* «Записки охотника» и динамика литературной репутации И.С. Тургенева // И.С. Тургенев и современность. Международная конференция, посвященная 175-летию со дня рождения И.С. Тургенева. Доклады и сообщения 2-6 ноября 1993 года. – М., 1997. С. 166-174.

Нужна ли читателю данная информация? Да, хотя и не каждому. Комментарий как восхождение. Наверх стремятся многие, но доходят не все – не всем нужна вершина. Какова потребность читателя в информации – вопрос свободный. Не только объем – логика комментария свободна. И дело не в количестве требующихся для вывода фактов, но в сюжете комментария. Чтобы рассмотреть эту проблему, следует учесть, что в случае с Тургеневым речь шла о слове как основе и носителе художественного образа. Теперь можно рассмотреть слово и как коррелят понятия.

3.2. Два комментария книги А.П. Чехова «Остров Сахалин»

В качестве материала будет выступать несколько книг: «Остров Сахалин» А.П. Чехова, комментарий к нему в 14-15 томах ПССП А.П. Чехова, составленный М.Л. Семановой, и новый комментарий, составленный М.С. Высоковым.[24)]

Книга «Остров Сахалин» (далее – **ОС**) и Комментарий к ней доктора исторических наук профессора кафедры российской истории Сахалинского госуниверситета Михаила Станиславовича Высокова (далее – **КВ**) выпущены издательством «Рубеж» уже четыре года назад и за это время успели снискать долю признания и славы.[25)] Времени прошло довольно много, но разговор о них не теряет актуальности, потому что комментарии живут долго, иногда переживая породившие их эпохи. И в одном этом уже заложена исключительность смысла КВ, ведь он для чеховедов значим не только потому, что у него есть предшественник, подготовленный М.Л. Семановой (1908-1996) при участии А.С. Мелковой (1933-2012) (далее –

24) *Высоков М.С.* Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток–Южно-Сахалинск: Издательство «Рубеж», 2010.

25) Издательство «Рубеж» за комментированный «Остров Сахалин» получило награду Ассоциации книгоиздателей России на выставке «Санкт-Петербургский международный книжный салон–2011» в номинации «Лучшее издание классической художественной литературы 2010 года».

КС), – это XIV-XV тома ПССП А.П. Чехова, – но и потому, что попытки новых комментариев чеховских текстов в последнее время предпринимались редко.[26)]

Рассуждения о КВ могут иметь приложение идеальное (т.е. теоретизирующее) – с точки зрения того, каким комментарий должен быть, – и практическое (здесь критическое), с точки зрения того, что он может дать читателю. Хорошо бы постараться соединить их и поговорить о том, *как выстраивается комментарий* (захватывая первый пример с Тургеневым), и о том, *что удалось сделать автору* нового комментария. В качестве своеобразной преамбулы я использовал бы ряд тезисов, имеющих для меня категориальное значение: во-первых, все мы являемся активными пользователями разных комментариев и имеем богатый опыт работы с ними; во-вторых, комментарий является результатом кропотливого многолетнего труда, и потому, в-третьих, он законным образом приобретает в наших глазах значение нормативности самого широкого плана (языкового, общекультурного), подобное тому, что мы видим в энциклопедиях, словарях и т.п. Добавлю, что КВ требует параллельного чтения с КС – и не только из любопытства.[27)] Аналогия эта имеет многоаспектный характер и представляет значительный интерес уже потому, что видно, как меняется отношение к Чехову. КС, издававшийся в чеховских собраниях (как и в академическом 30-томнике), оставался единственным. Авторитетность и полнота его – исключительная заслуга М.Л. Семановой, результат ее многолетних поисков. Сохранится ли этот статус за КС? Вопрос непраздный. (Конечно, комментарии могут и должны сосуществовать, но каждый читатель сам решает, какой комментарий будет для него авторитетным.)

---

26) Далее ссылки на комментарии М.Л. Семановой и М.С. Высокова будут даны в тексте статьи в скобках с указанием издания и номера страницы, например, (КС – 122) или (КВ – 454).

27) В связи с тем, что тираж КВ катастрофически мал (1000 экз.) и у читателей книги может не быть, далее ссылки на текст ОС даются по второму, дополненному изданию 30-томника А.П. Чехова, в котором книжка XIV-XV тт. датирована 1987-м г. (Оно используется М.С. Высоковым наряду с первым изданием – 1978-го.)

Стоит ли говорить, с каким нетерпением ждали все новый комментарий? Чеховедов особенно интересовал исследовательский вклад в комментарий: раскрытие персонажей, цитирование новых документов, максимальное привлечение архивных материалов и данных повременной печати Сибири и дальнего Востока. К тому же мы понимаем, что многое у Чехова нуждается в перетолковании, как и большинство изданных в XX веке книг о Чехове: сегодня они читаются в крайне узком контексте: идеи авторов расходятся в двух-трех высказываниях, уже сформулированных в этих книгах, – все это требует понимания, которое уже невозможно без филологического и реального комментария. В общем, КВ может рассматриваться как первый опыт сплошного перекомментирования Чехова, пусть автора одной книги, но зато какой!.. И это заслуживает пристального внимания.

В КВ собран исключительно широкий и разнообразный материал. Описания пароходов, рецепты балыка, справки о японских картах, легенды о подвигах Хвостова и Давыдова, суровое свидетельство о смертной казни, цены на табак… тоже важная вещь. И это только одна сторона КВ.

За спокойной, даже скуповатой характеристикой тематики комментария:

> «<…> практически обо всех упомянутых на страницах книги А.П. Чехова реальных людях и литературных героях, атласах и картах, газетах и журналах, научных трудах и литературных произведениях, океанах и морях, проливах и заливах, реках и озерах, островах и полуостровах, горах и долинах, мысах и скалах, народах и странах, губерниях и областях, округах и военных постах, селениях и городах, растениях и животных, законах и учреждениях, обществах и компаниях, религиозных конфессиях и учебных заведениях, азартных играх и деньгах, чинах и титулах, казнях и телесных наказаниях, одежде и инструментах, строениях и мебели, горных породах и кораблях, продуктах и напитках, болезнях и лекарствах и т. д., и т. п.» (КВ – 11), –

открывается огромное поле знания, непосильное, наверное, для нас, но все же очень важное и неизбежное для всех, чья работа связана с ОС. Охват материала грандиозен, М.С. Высоков делает предметом комментария почти каждую реалию и понятие в тексте ОС, для чего обращается к

самым разным текстам: текстам, использованным Чеховым, к документам Главного тюремного управления и Министерства внутренних дел Российской империи, к повременной печати и… многочисленным современным изданиям, многие из которых, кстати, связаны с комментируемой эпохой весьма отдаленно. Сквозное восприятие КВ должно, видимо, по замыслу автора дать представление не только о мире, скрывающемся за книгой Чехова.

В этом смысле, можно сказать, что КВ стремится к словарным рубежам, но в его корпусе не задуманы указатели, не организована система поиска, нет сокращений, библиографического списка и т.п. Не предпринята унификация (Реомюр используется наряду с Цельсием, пуды – с килограммами, версты – с милями и километрами и т.д.). Выбор источников не оговаривается. «Список статей и пр.» не прокомментирован.

Все это заставляет задуматься о границах комментаторского произвола: чувствуешь, что выбор объекта комментирования флуктуирует в непонятных пределах. Выбор между старым и новым иллюстрирующим материалом сделан в пользу нового: в качестве иллюстрации используется не текст, например, А. С., дающего весьма трезвый взгляд на некоторые проблемы сахалинской каторги, а рассказы В. Шаламова, конечно, гораздо более известного, чем так и не раскрытый автор «А. С.», но, кажется, бесполезного.

Здесь возникает возможность говорить о том, что у каждой книги должен быть свой комментарий. По-своему отбираются источники комментария, нужный объем информации. И в целом это можно поставить как проблему композиции.

Вопрос о композиции тесно связан и с проблемой языка. Язык КВ довольно разнообразен: иногда возникает тенденция к повествовательности, порой сквозит разговорный стиль. Но комментарий и здесь должен подчиняться строгим принципам. Автор понимает, что комментарий задает масштаб историко-культурного воззрения, но в основном корпусе эта мысль дает сбой. Так, объясняя причины преимущества перед ОС книги Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке», автор говорит,

что, для того чтобы разобраться в устройстве общины, «у него <Ядринцева> была прекрасная возможность. Будучи <…> арестован по делу "Общества Независимости Сибири", он сначала больше двух лет (1865-1868) провел в Омской тюрьме, затем приговорен к лишению всех прав состояния и к каторжным работам на 12 лет, которые были заменены ссылкой <…>» (КВ – 186). Допустима ли эта невольная, разумеется, ирония?..

Стилистическая норма берет начало в стандартной лексической точности, которая должна для любого комментария стать важнейшим требованием. В биографических справках КВ используются пометы *российский* и *русский* (при этом М.С. Мицуль, автор «Очерка острова Сахалина в сельско-хозяйственном отношении» (СПб., 1873) оказывается ничей). И ведь тогда Броутон должен быть *британским* (великобританским), а не английским. Комментарий не должен во всем копировать речевые тенденции той эпохи, в которую он создается. Этим он роет себе могилу.

В КВ отсутствует «Список условных сокращений». Вместо него под этим заголовком дается использованная М.С. Высоковым литература. И это также значительная потеря «действенности» справочного издания, ударяющая по читателю. Вообще в этом смысле КВ явно уходит от принципа необходимости, тяготея к умножению сущностей. На последней полосе издания сказано, что КВ научное издание. Я это понимаю в первую очередь как соблюдение принципов рациональности и требований контекста.

Возьмем проблему деталей КВ. Так, в связи с рыбой, идущей на нерест, приводя цитату из книги А.Ф. Миддендорфа: «…в восточной Сибири водятся странствующие лохи <…> С неудержимою силою <…> лох кета мчится вверх по рекам…» (КВ – 604), – автор дает пояснение, что сей ‘лох’ значит, – «лососи после метания икры». Определение, однако, неточное, как и неединственное, ибо ‘лох’ – это сам лосось или даже рыба семейства лососевых (чередование *с–х* предопределено индоевропейским происхождением), в том числе идущая на нерест (отсюда и конструкция ‘лох кета’ у Миддендорфа, не объяснимая с точки зрения данного в КВ определения).

Вряд ли кому понятно выражение «экстраординарный профессор», употребленное в биографической справке о А.Ф. Миддендорфе (КВ – 605), как, впрочем, и «дерптский университет». Как должен разобраться в этом читатель, на которого уповает М.С. Высоков, я не знаю: город Дерпт в тексте ОС не встречается, и сноски поэтому нет, а читатель (не имеющий, по замыслу автора, представления о таких вещах, как Европа (КВ – 39) и Тихий океан (КВ – 37-38)) наверняка не сталкивался с этим географическим названием (как, возможно, и с эстонским Тарту) в своей повседневной практике. А кто только в Дерпте не учился (см. список персон на стр.: КВ – 66, 246, 312, 388…)!

Необходимо разъяснять, почему Я.Н. Бутковский обращается с проектом разработки угля на Сахалине в Министерство внутренних дел (КВ – 295), а не в соответствующее (как может представить себе сегодняшний читатель) ведомство, и многое другое.

Здесь я привожу элементарные семантические недоразумения, которые любой нормальный читатель в состоянии устранить самостоятельно. А если не сможет? Взять тот же табак. Сообщается, что за четвертку турецкого табака «зажиточные» «корсаковские ссыльнокаторжные, чьи жены занимались проституцией» (наверное и эта справка необходима), платили 50 коп. При такой розничной цене, сообщается далее, цена за пуд составляла 80 рублей (КВ – 430). Считаем… Если идти от указанной цены за пуд (оптовой?), четвертка стоила 51 коп. (что несколько больше цены розничной), если же отсчитывать от четвертки, пуд должен стоить 78 руб. 43 коп., что несколько меньше цены оптовой. Так бывает? Если учесть традиционный объем маржи (20-30%), которая в сахалинских условиях была, вероятно, еще менее «гуманной», может показаться, что одно из значений получено умозрительным путем.

Как быть, если некомментированный факт имеет прямое отношение к чеховскому контексту? Если, например, не упомянуты, кроме статьи В.И. Юзефова, работы из сборника «Читая "Остров Сахалин"», имеющие отношение к самым разным эпизодам ОС и КВ. Если справка о рекомендательных письмах (КВ – 29-30) создает впечатление, что чеховское

путешествие – это приключение одиночки, предприятие на свой страх и риск. Ни слова о поддержке Чехова его друзьями, знакомыми, о чем во «врезе» (вступительной статье) М.Л. Семановой довольно подробно сказано (КС – 745-747). Текст удостоверения корреспондента газеты «Новое время», которым снабдил Чехова А.С. Суворин, просто перепечатан, и его фотокопия, к сожалению, цитату данного документа, приведенного почему-то дважды (КВ – 114, 545), не украсила. Автор почел это, как и удостоверение Чехова и секретное предписание о его предстоящей миссии, изготовленные канцелярией В.О. Кононовича (КВ – 114-115), менее существенным иллюстративным материалом, нежели гораздо более доступные портреты Дарвина, Николая I, крупных чиновников и известных писателей и пр. А названные выше документы за подписью В.О. Кононовича известны и доступны: они хранятся – благодаря ссылкам в КС это известно – в ОР РГБ и РГИА ДВ. Но важно и то обстоятельство, что оба документа были ранее опубликованы.[28] Если КВ стремится быть полным толкованием, то его полнота должна быть, прежде всего, библиографической. В этом случае *любой* читатель получит тот объем сведений, в котором он нуждается и который в состоянии усвоить.

Не выписана весьма существенная грань между *нивхским* и *гиляцким* языком и ритуалом. Оба определения даются как равноправные. Стоит дать простейший лингвистический, этнографический и диалектный комментарий, чтобы и национальная сфера сахалинской культуры получила освещение. Эта задача крайне трудная, разумеется, но ведь берется же М.С. Высоков за справки из зоологии, ботаники, географии, истории судоходства и судостроения, угледобычи на Сахалине и за многое другое, что имеет весьма опосредованное отношение к пределам его компетенции, а тут материал практически свой, и по крайней мере общие культурологические предметы могли бы быть обрисованы в соответствии с вероятными

---

28) См.: *Гитович Н.И.* Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. – М.: Гослитиздат, 1955. С. 271-272, а также: *Теплинский М.В., Бурятов Б.Н.* А.П. Чехов на Сахалине. – Южно-Сахалинск, 1957. С. 23, 89.

запросами читателя, обратившегося к ОС.

Осуществляя на деле рефлексию о читателе КВ, автор, насколько я могу понять, стремился сделать чтение комментария интересным, захватывающим. Невольно задавая баланс ‘полнота’ versus ‘увлекательность’ и затем пытаясь поддержать его, М.С. Высоков допускает просчет. Что требуется специалистам, известно, так же как и то, чем нельзя привлечь постороннего читателя. И еще – о полноте. Читатель мог бы легко опередить меня вопросом: некоторые мои замечания легко снимаются, если весь опыт КС использовать на страницах КВ. На первый взгляд, это нетрудно сделать: комментарий к ОС, если не брать во внимание *Варианты*, насчитывает каких-то 147 страниц (включая примечания к очеркам «Из Сибири» и вступительную статью). Казалось бы, как не уместить их в 750-страничной книге? Почему пропадают сведения из прежнего комментария, ведь новый должен был вобрать в себя всё? Мне кажется, ответом на этот вопрос и будет одно из очевидных представлений о сущности комментария как жанра. На фоне некоторых излишеств данный недостаток представляется мне очень серьезным.

Вот еще пример. В справке о легендарном Иване Лапшине (КС – 828) ранее указывались два текста: профессора уголовного права, крупного специалиста по судопроизводству и исследователя тюрем и колоний, Дм.Г. Тальберга и агронома М.С. Мицуля. Теперь дается развернутая цитата из книги В.И. Власова (КВ – 291-292), первые два автора работ, известных Чехову, оставлены за флагом. Ясно, что использовавшийся Чеховым в работе принцип обобщения, сгущения фактов, оценок, концепций в комментарии не высвечивается. То обстоятельство, что Мицуль был участником экспедиции Власова, делает несостоявшееся перекрестье трех взглядов особо ценным для читателя. Кто знает, что ему (читателю) пригодится?..

Из-за отсутствующей корреляции между Именным указателем и Списком условных сокращений в работе возникает затруднение: автор КВ словно требует от своего читателя какой-то особенной верности. Нужно, предположим, читателю выяснить, что в КВ говорится с высоты современной

науки об «Очерке острова Сахалина в сельскохозяйственном отношении» М.С. Мицуля, извольте просматривать всё. Получается, КВ не работает как справочное издание.

Приводится, н-р, обширная «Записка о необходимости увеличения тюремных районов на о. Сахалин и об изменении в организации управления этой местностью, сообразно с действительными потребностями» начальника сахалинской каторги, генерал-майора В.О. Кононовича (всего документ насчитывает 41 лист). Но она «разбросана» по разным эпизодам (КВ – 104-106, 360-365) и какой отрезок времени охватывает, разобраться сложно. В одном месте цитаты говорится, что экспедиция в 1889 *не открыла*, в другом – что начальник острова в 1890 *приказал произвести* исследования, в третьем – что летом 1890 *были обследованы* долины… Такое цитирование дезориентирует читателя – нужно резюме. И, добавлю, не помешала бы небольшая статья о Кононовиче – идеологе каторги.

3.3. Комментарий как форма представления об авторе. Пределы комментария

Завершая эти крайне неполные наблюдения, ни в коем случае не претендующие на окончательность определений и оценок, ограничусь несколькими тезисами, которые, надеюсь, помогут проблематизировать поле, возникающее на стыке различных гуманитарных интересов, но главным образом – мемуарной прозы и комментария.

Комментарий постоянно меняется, переживая движение в историко-филологических исследованиях. И это заставляет задуматься, всегда ли расширение круга информации – это демифологизирующий процесс, ведь, если информация подается вразрез с идеями комментируемой эпохи (даже просто покидая ее информационные пределы), миф, часто сопровождающий незнание или знание недостаточное, избирательное, вместо разрушения может пережить реинкарнацию, ведь текст выпадает из линейной логики истории. Комментарий неизбежно балансирует на грани полноты-

фрагментарности. Фрагментарность КВ, гораздо более обширного в сравнении с КС, очевидна для меня. Это объясняется многими причинами, о которых надо говорить особо. Как и о самом сопоставлении с КС. Утратив ряд программных пунктов (н-р, история поездки Чехова, процесс создания книги, история исследования ОС в отечественной филологии, ряд справочных категорий), «Сахалин» у М.С. Высокова оказался даже при таком расширенном подходе в более узком историко-культурном контексте? Кроме того, Сахалин в чеховском понимании – это ад, место смерти. Эта идея должна просматриваться в комментарии, а за «неконципированными» экскурсами в область общих знаний теряется сама чеховская тема, а не то что социальный смысл книги. Порой возникает ощущение, что ОС превращается в авантюрно-развлекательное повествование об экзотическом Востоке.

Если научный комментарий содержит статьи по общим знаниям, а значит, стремится к универсализму, наряду с библиографией и именным указателем в нем должен существовать некий указатель, воспроизводящий структуру данного тезауруса. Ведь, если данные реалии и понятия получают специальную трактовку, читатель имеет право на возможность сквозной выборки их в корпусе комментария, то есть чтения, сосредоточенного только на этих, видимо, специально интерпретированных автором, единицах языка и картины мира. Ну, а если нет, то словарь должен быть гораздо более полным. Интересно, какой эффект сложится, если создать частотный словарь (конкорданс) КВ? Какое название можно будет дать такому словарю? Энциклопедический?

В ситуации, в которой КВ абсолютизирует меру и объем знания, не получается ли, что информация как таковая есть ценность? Это старый миф, который категорически упрощает образ Чехова.

Литература

Бушканец Л.Е. «Он между нами жил…» А.П. Чехов и русское общество конца XIX – начала XX веков. Казань, 2013.

Высоков М.С. Комментарий к книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Владивосток–Южно-Сахалинск: Издательство «Рубеж», 2010.

Гитович И.Е. Литературная репутация Чехова в пространстве российского XX века: реальность и аберрации (К постановке вопроса) // Studia Rossica. XVI. Dzieło Antoniego Czechova dzisiaj / Redakcja naukowa: Alicja Wołodźko-Butkiewicz, Ludmiła Łucewicz. Warszawa, 2005. – S. 15-26.

Гитович Н.И. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. М.: Гослитиздат, 1955.

Дерман А.Б. О мастерстве Чехова. М.: Советский писатель, 1959.

Журавлева А.И. «Записки охотника» и динамика литературной репутации И.С. Тургенева // И.С. Тургенев и современность. Международная конференция, посвященная 175-летию со дня рождения И.С. Тургенева. Доклады и сообщения 2-6 ноября 1993 года. М., 1997. С. 166-174.

Катаев В.Б. Автор в «Острове Сахалине» и в рассказе «Гусев» // В творческой лаборатории Чехова / Редкол.: Л.Д. Опульская и др. М., 1974. С. 247-252.

Кузичева А.П. Чехов. Жизнь отдельного человека. М.: Молодая гвардия, 2012.

Новый поэт. <Панаев И.В.> Литературный маскарад накануне нового (1852) года // Современник. – 1851. – Т. XXXI.

Оксман Ю.Г. От «Капитанской дочки» А.С. Пушкина к «Запискам охотника» И.С. Тургенева. Саратов, 1959.

Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное. СПб.: Machina, 2004.

Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М.: Независимая газета, 2005.

Соболев Ю.В. О Чехове. М.: Изд. И.А. Белоусова, 1915.

Соболев Ю.В. Чехов. Статьи, материалы, библиография. М.: Изд. «Федерация», 1929.

Теплинский М.В., Бурятов Б.Н. А.П. Чехов на Сахалине. Южно-Сахалинск, 1957.

Фидель. Новая книга о Чеховѣ. (Ложь въ его творчествѣ). Спб., 19<09>.

Финнов М.П. Конец ненужной легенды // Краеведы ведут поиск. Южно-Сахалинск, 1985. С. 80-85.

А.Н. Чермный <Черман Ап.Н.>. Под южным крестом // Новое время. – 1891. – 27 февраля. – № 5388.

А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1947, 1952, 1954, 1960, 1986.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. В 30 т. М.: Наука, 1974-1983.

Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. Пг.: Изд. Гржебина, 1922.

Mérimée P. La littérature et le servage en Russie // Revue des Deux Mondes. – 1854. – 1 juillet.

Abstract

Anton Chekhov's Literary Reputation Facets: Somewhere Between Maxim and Myth

Akhmetshin, Ruslan*

Knowing the writer's literary reputation means a constant change of senses, thus, being a variable. Though significant facets of a literary reputation are rigidly determined by their contemporaries' appreciation during their life or shortly after their death, each epoch tends to recreate that image. Thus the image of a writer is a complex literary casus predetermined by a conflict of divergent tendencies: the former being manifested in a sustainable comprehension of an artistic personality, and the latter striving to limit that accumulation, to cast that neverending change into a cliché of perceptions depreciating an ongoing historical movement. Moreover the very bulk of reputation senses maintains limited, so every new generation tends to erase some information about the writer's personality excessive in a present interpretation. Art and life, mythology and history are typical outlines of reputation analysis. Thus we have to admit that reputation is axiomatic due to the interaction of a number of factors: trends of poetics, needs of biography, laws and traditions of history, but primarily due to contradictions inherent to the language corpus. All above mentioned factors result in various conventions that lead us to the commentary. It doesn't mean that the commentary stands somewhere aside from the problems outlined above. It closely interacts with history, sociology, and poetics. Alongside the commentary possesses an ideal feature: it levels the contradictions between (or among) different fields of humanities or its methods. When most questions about the text can be regarded as attempts to enter deep the writer's world, then text comprehension in fact is focused on the writer's personality. Thus, why not to start from this very point when getting down to the analysis as it is.

Key words: History, Biography, Memoirs, Literary Reputation, Poetics

---

* Associate Professor at the Department of Russian Literature History, Lomonosov Moscow State University

Ахметшин, Р. Б.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Читает курсы лекций по истории русской литературы XIX века. Сфера академических интересов: русская проза, мемуарная и биографическая литература, а также периодика рубежа XIX – XX веков. Р. Ахметшин – член Чеховской комиссии при Совете по истории мировой культуры РАН РФ, а также член редколлегии справочно-библиографического издания «Чеховский вестник» и Вестника Иранской Ассоциации русского языка и литературы. Является автором более 40 научных работ и двух монографий.

Akhmetshin, Ruslan

Ph.D., Associate Professor at the Department of Russian Literature History, Lomonosov Moscow State University, a lecturer on Russian Literature History of XIX century. His academic interests lie in the sphere of the Russian prose, memoirs, biographies, periodical literature, commentaries of the turn of XX century. Ruslan Akhmetshin is a member of Chekhov Committee and also a current member of the editorial boards of *Chekhovsky Vestnik* (Lomonosov Moscow State University) and of biannual bulletins of Iranian Association of Russian Language and Literature (Tehran University), a compiler and editor of 6 academic proceedings. He is the author of more than 40 academic articles and 2 monographs.

논문심사일정

논문투고일: 2014. 9. 30
논문심사일: 2014. 10. 10 ~ 10. 29
심사완료일: 2014. 11. 6